

Подводя итог оценке юбилейного венгерского издания Аристофана, необходимо отметить большое значение рецензируемой книги для дальнейшего ознакомления широких кругов читателей с сокровищами литературы классической Эллады, с творчеством бессмертного «отца комедии», продолжающего жить в культуре наших дней.

В. Н. Ярхо, Е. М. Кан.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ВЬЕТНАМА В СОВРЕМЕННОЙ ВЬЕТНАМСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Изучение древней истории Вьетнама началось давно. Старая историография Вьетнама насчитывает ряд крупных работ по древней истории, созданных в XVIII — XIX вв. Одновременно с печатанием исторических работ происходила публикация важнейших источников. В начале и середине XIX в. (при императорах Жя Лаунге и Ты Дыке) были изданы своды указов и государственных актов Вьетнама с древнейших времен до XIX в. Феодалы и буржуазные вьетнамские историки второй половины XIX в. и первой четверти XX в. много занимались древней историей, хотя, как правильно указал один современный вьетнамский исследователь, «будучи по специальности историками феодализма (а часто и выходцами из феодального класса.— Д. Д.), они видели его и в те эпохи, когда он еще не мог существовать»¹. Такие историки, как Чыонг Винь-Ки, До Динь-Нием, и многие другие считали феодализм первой и исходной формой классового общества во Вьетнаме. Тщательно и добросовестно изучая политическую и культурную историю древнего Вьетнама, они тем не менее не смогли понять его классовую сущность.

До Августовской революции 1945 г., в результате которой Вьетнам стал демократической республикой, вьетнамские историки не имели своего научного центра, часть их (очень небольшая) сотрудничала с Французской школой Дальнего Востока (в дальнейшем — ФШДВ) в Ханое, что стало возможным лишь в последние годы перед войной, часть работала в журналах «Друзья старого Хюэ» и т. д.

Древней истории Вьетнама было посвящено также много работ французских ученых, сотрудничавших с ФШДВ. Ими был достигнут ряд несомненных успехов. Не желая по вполне понятным соображениям разрабатывать новую и новейшую историю Вьетнама, ФШДВ основные силы сосредоточила на изучении вьетнамского языка, древней и средневековой истории, археологии и этнографии, выдвинув в каждой из этих областей ряд крупных исследователей (Фино, Анри Масперо, Оруссо, Эймонье, Колани, Гадьер, де Мишель, Бонифаси, Маллерэ, Маршаль и многих других)². Французские историки подробно разработали вопросы происхождения вьетнамцев на материале археологии, этнографии и лингвистики, многие вопросы политической истории древнего Вьетнама и тесно связанные с ней проблемы религии, культуры, международных связей Вьетнама и пр. Наряду с работами по археологии, этнографии, лингвистике со-

¹ Минь Чань, Проблемы рабовладения в истории Вьетнама, ВСД, 1955, № 7, стр. 5.

² L. A u g o u s s e a u, La première conquête chinoise des pays Annamites, BEFEO, т. XXIII(1923); E. A y m o n i e r, Légendes historiques des Chams, P., 1890, Excursions et reconnaissances, XIV; M. C o l a n i, Recherches sur le préhistorique indochinois, BEFEO, т. XXX (1930); L. C a d i è r e, Première étude sur les sources annamites de l'histoire d'Annam, BEFEO, т. V (1905); A. L. M. B o n i f a c y, Conférence sur les groupes ethniques du Haut Tonkin et du Fleuve Rouge. Société Géographique, Hanoi, 1925; L. F i n o t, Les études indochinoises, BEFEO, т. VIII (1908); H. M a s p e r o, Le royaume de Champa, Leiden, 1914; A. de M i c h e l s, Les annales impériales de l'Annam, P., 1889—1894.

трудниками ФШДВ были созданы капитальные исследования важнейших письменных источников, что составляет одну из основных заслуг ФШДВ. Вместе с тем ценность этих исследований в значительной мере снижается вследствие отсутствия в них разработки социально-экономических проблем древней и средневековой истории Вьетнама, что проявилось в их стремлении рассматривать первое классовое общество Вьетнама как феодальное с самого пачала его возникновения. Сотрудники этой школы стремились также рассматривать историю Вьетнама в возможно большем отрыве от истории Китая. Основными органами ФШДВ были «Бюллетень ФШДВ», издающийся с 1900 г. по настоящее время, а также «Публикации ФШДВ». Члены ФШДВ активно сотрудничали в различных международных журналах¹.

Со второго десятилетия XX в. к проблемам древней истории Индокитая проявил интерес В. Шмидт и его венская школа, к направлению которой примыкал и Р. Гейне-Гельдерн. С этого времени в «Антропосе», издававшемся в Вене с 1900 г., стали появляться работы, посвященные древней истории Вьетнама и антропогенезу его населения, как правило развивавшие идею последовательных миграций населения Вьетнама из Индокитая на юг и юго-восток. Шмидт и его школа собрали и издали большой антропологический, этнографический и лингвистический материал по истории Юго-Восточной Азии вообще, уделяя в своих исследованиях особенно большое внимание народам аустроазиатической и индонезийской групп и народам группы таи. В более поздней литературе характерной для этого типа исследователей фигурой является Эйкштедт, много занимавшийся этническими передвижениями в рассматриваемом районе. С конца 20-х годов древней историей Вьетнама стала заниматься шведская школа ориенталистов (Карлгрэн, Стейн, Йенс и др.); в «Бюллетене Стокгольмского музея дальневосточных древностей» сотрудники этой школы напечатали ряд важных исследований по археологии и древней истории Вьетнама. Шведские исследователи работали главным образом в области археологии и лингвистики. Хотя первая историческая работа о культуре Доунг шон принадлежит не шведской школе, однако, именно Карлгрэн и Йенс первые указали на то значение, которое имеет эта культура в истории Юго-Восточной Азии.

С середины 30-х годов XX в. древнейший период в истории Вьетнама привлекает внимание американских ученых, главным образом из Гарвардского университета. Американские исследователи, как и шведские, проявляют большой интерес к культурно-историческим связям Вьетнама и Китая. Некоторые археологические работы были проведены во Вьетнаме в начале 40-х годов XX в. японцами, напечатавшими ряд исследований по истории Юго-Восточной Азии. Для исследований японских историков характерно стремление подчеркивать несомненно существующее сходство материальной культуры Вьетнама и Японских островов.

Таковы в общем основные направления, которые сложились в иностранной и старой вьетнамской исторической науке в исследовании древней истории Вьетнама. Накопив огромный фактический материал, пустив в научный оборот важнейшие источники, издав ряд больших и серьезных монографий, все эти историки различных школ и направлений не дали, однако, правильного научного понимания и объяснения характера классового общества древнего Вьетнама. Определив его как феодальный с момента возникновения, они преграждали путь к иному решению этого важнейшего вопроса всей древней истории Вьетнама.

Исследование древней истории Вьетнама с марксистских позиций стало возможным только после установления народно-демократического строя. Но если вопросы новой и новейшей истории ставились и разрабатывались вьетнамскими историками-марксистами как до Августовской революции, так и сразу после нее, то древней историей стали заниматься в ДРВ сравнительно недавно. Хотя высшие учебные заведения, где преподавалась история, были созданы уже в 1947 г., до установления мира в Индокитае, исследование истории было сильно усложнено, так как работа велась в джун-

¹ «Journal asiatique», «T'oung Pao», «Cochinchina», «Revue des arts asiatiques», «Nouvelle archive orientale scientifique et littéraire» и др.

глях, без источников и литературы, необходимых для исследований по древней истории. Часть ученых, ныне являющихся ведущими в исторической науке (Минь Чань, Чан Хюи-Лиену и др.), была в то время занята большой и важной организационной работой первых лет республики, часть находилась на оккупированной колонизаторами территории (Дао Зюй-Ань и др.).

После решающих побед вьетнамского и китайского народов в 1949—1950 гг. вьетнамские историки получили возможность создать ряд трудов по истории Вьетнама, где освещались и проблемы древней истории. Это были учебник истории для средних школ Минь Чаня¹, «Исследование вьетнамской грамматики» Фан Кхоя² и др. О периоде древней истории учебник сообщал самые общие данные, начиная более подробное изложение с V в. до н. э., что для учебника было вполне правомерным — поскольку период с V в. до н. э. по III в. н. э. слабо исследован, и относительно него в науке до сих пор идут споры. Вышедшая несколько позже «История Вьетнама» Минь Чаня уже содержала ряд выводов по социальному строю древнего Вьетнама. Ограничившись по вопросу о происхождении вьетнамцев сводкой мнений западных исследователей (что вполне понятно для 1950 г.), Минь Чань правильно заключил, что весь период с середины III тысячелетия до н. э. до 258 г. до н. э., когда правила полумифическая династия Хаунг Банг, относится к эпохе первобытно-общинного строя. Достоверные данные об этой династии относятся лишь к V — III вв. до н. э., когда существовало возглавлявшееся ею лаквьетское «государство» Ван Ланг, имевшее характер племенного союза. Этот вывод тем более важен, что некоторые французские историки и дореволюционные вьетнамские исследователи (Чыонг Винь Ки, До-Динь Нием и др.) являлись сторонниками теории исконного вьетнамского феодализма и возводили его ко времени этой полумифической династии. Период с 258 г. до н. э. по 111 г. до н. э., на который приходится существование в Бакбо (прежнее название Тонкин) государства Ау Лак (258—207 гг. до н. э.), и затем период 207—111 гг. до н. э. — государства Нам Вьет, которое с 111 г. до н. э. входило в состав Ханьского Китая как три провинции³, Минь Чань относил к эпохе феодализма. Он считал, что вьетнамский народ миновал в своем развитии рабовладельческий строй, в чем сказались как точка зрения части китайских ученых о раннем развитии феодализма на Дальнем Востоке и влияние французских и дореволюционных вьетнамских исследователей, так и неправомерное перенесение на вьетнамскую почву путей развития русского народа, миновавшего в своем развитии рабовладельческий строй. В настоящий момент эта ошибка уже исправлена автором, который в своем новом труде отстаивает существование во Вьетнаме рабовладельческого строя, относя его ко времени III в. до н. э. — I в. н. э.

В 1950—1953 гг. во Вьетнаме был издан ряд монографий, освещавших различные моменты истории страны, но все они посвящены новой и новейшей истории. Вопросы древней истории как отдельные замечания в статьях по культуре XIX и XX вв. иногда ставились в журнале «Ван Нге» («Культура»).

Положение в исторической науке изменилось коренным образом с 1954 г., когда во Вьетнаме был восстановлен мир. В 1954 г. вышла в свет первая и вторая части «Очерков по истории Вьетнама» Минь Чаня, посвященных древности и раннему средневековью (III в. до н. э. — XII в. н. э.). В 1955 г. была издана двухтомная «История Вьетнама» Дао Зюй-Аня, в первом томе которой рассматриваются проблемы древней истории. В этом же году Дао Зюй-Ань выпускает свою «Древнюю историю Вьетнама», где подробнейшим образом разобрана история Вьетнама с VIII в. до н. э. по 112 г. до н. э. Издаются «История Вьетнама» Чан Хюи-Лиену, где в первом томе также исследуется древняя история. С июня 1954 г. начинает выходить журнал «Ван Сы Диа» («Литература, история, география»). Несмотря на столь широкое название, журнал занимается преимущественно вопросами истории и исторической географии; вопросы современной литературы рассматриваются в журнале «Ван Нге».

¹ Минь Чань, Общий очерк истории Вьетнама, Ханой, 1954.

² Фан Кхой, Исследование вьетнамской грамматики, Ханой, 1950.

³ Основной народностью, населявшей эти государства, были лаквьеты.

«Ван Сы Диа» помещает исследования, дискуссионные статьи, ответы на письма, обзоры о состоянии той или иной проблемы в исторической науке СССР и стран народной демократии, переводы статей из советских, китайских, румынских и других журналов по тем или иным историческим вопросам. Журнал содержит также библиографические заметки. Наличие в «Ван Сы Диа», так же как и в других журналах, хотя бы кратких резюме на одном из иностранных языков дало бы большую возможность для ознакомления с исследованиями вьетнамских историков.

Другим крупным журналом, уделяющим много внимания проблемам древней истории, является выходящий в Ханое с июня 1955 г. «Дай хаук Сы Фам» («Пединститут»), издающийся пединститутом Ханоя.

В своей работе вьетнамские исследователи древней истории опираются как на письменные источники, так и на лингвистические данные и археологический материал, хранящийся в Ханое¹.

Вьетнамские историки с интересом следят за развитием исторической науки в СССР, в Китае и в странах народной демократии².

Одной из основных проблем древней истории Вьетнама является вопрос о происхождении вьетнамского народа. Буржуазные ученые создали ряд исследований по этому вопросу. Однако они носят узкий, преимущественно археологический (Колани³, Мансюи⁴) или этнографический характер (Бонифаси⁵, Люне де Лажонкьер⁶), или характер общих построений, зачастую поверхностных по обобщениям и по выводам (В. Шмидт⁷, Эйкштедт⁸).

Исследуя этот вопрос, ряд авторов выводили вьетнамцев из Южного Китая, другие ученые были сторонниками индонезийского происхождения вьетнамского народа. В. Шмидт и некоторые другие исследователи считали вьетнамцев потомками мон-кхмерского населения юго-восточной Азии. В трудах французских и иных историков часто встречаются отдельные гипотезы о происхождении вьетнамского народа⁹, но проблему

¹ Материалы ФШДВ, ее аппарат и часть архива остались в Ханое. Вопрос о формах сотрудничества вьетнамских ученых с ФШДВ сейчас разрешается.

² Вьетнамские историки сопоставляют древний период в истории нашей страны с древней историей Вьетнама, обсуждают статьи в «Вопросах истории». Определенное влияние на ряд вьетнамских ученых оказала книга В. И. Авдиева. Часто приезжая в Советский Союз, вьетнамские историки (Чан Хюи-Лиену в 1954 г., Минь Чань в 1955 г.) участвуют в дискуссиях, устраиваемых АН СССР. Во Вьетнаме живо обсуждается дискуссия о периодизации и рабовладении, происходившая в Китае. Среди вьетнамских историков выявились как сторонники рабовладельческого характера ханьского общества, так и противники этой точки зрения.

³ M. C o l a n i, Recherches sur le préhistorique indochinoise, BEFEO, т. XXX, 1930.

⁴ H. M a n s u y, Contribution à l'étude de la préhistoire de l'Indochine, MSGI, т. XII, 1923.

⁵ A. B o n i f a s i, Les kiao-tche. Étude étymologique et anthropologique, BMSAP, т. IX, сеп. 5, 1908.

⁶ L u n e t d e L a j o n q u i è r e, Vieng-Chan, BEFEO, т. I, 1901.

⁷ W. S c h m i d t, Die sprachlichen Verhältnisse Oceanians (Molanesiens, Polyneziens, Mikronesiens und Indonesiens) in ihrer Bedeutung für die Ethnologie, MAG, т. XXIX, Wien, 1899.

⁸ E. E i c k s t e d t, Rassendynamik von Ostasien, B., 1944.

⁹ E. P a t t e, L'Indochine préhistorique, «Revue anthropologique», 1936; O. J a n s e, Archaeological research in Indo-China, т. I, Cambridge, 1951, стр. XX—XXV; V. G o l o u b e w, L'âge du bronze au Tonkin et dans le Nord-Annam, BEFEO, № 2, XXIX, 1929; R. G r o u s s e t, Histoire de l'Asie, P., 1922; W. S c h m i d t, Les peuples mon-khmer, trait d'union entre les peuples de l'Asie centrale et de l'Australasie, BEFEO, т. VII, 1908.

в целом никто не разрабатывал. Поэтому проблемы автохтонности вьетнамского народа, так же как и вопрос о переселениях и взаимодействии с местными культурами, продолжают разрабатываться вьетнамскими историками, стремящимися определить время зарождения вьетнамской народности, степень влияния на нее соседних народов.

Другим вопросом, поставленным только марксистскими историками Вьетнама, является проблема рабовладельческого строя как этапа в развитии вьетнамского общества. Каким путем происходило разложение общины, когда возник рабовладельческий строй — все эти проблемы горячо обсуждаются в исторической литературе Вьетнама. Дискутируется вопрос о производительных силах рабовладельческого общества, отдельных признаках рабовладения, о классовой борьбе в рабовладельческом обществе Вьетнама. Всестороннему обсуждению подвергается характер рабовладельческих государств Вьетнама, степень развития рабовладения. Исследуется вопрос о государственном аппарате и иерархии рабовладельческого Вьетнама, возникновении городов, способах обработки земли (плужное земледелие, тягловые животные, бронзовый лемех плуга, новые способы орошения и т. д.).

Особенно жаркую полемику вызывает вопрос о времени перехода от рабовладения к феодализму, чем он был вызван и какова была роль Китая в этом процессе. В связи с этим очень интересна постановка вопроса о сочетании классовой и освободительной борьбы в истории вьетнамского народа в эпоху перехода от рабовладения к феодализму, о характере и социальной направленности крестьянских движений этого времени. Из этих двух проблем вытекает третья: становление феодальных отношений во Вьетнаме, связь этого процесса с усилением китайской власти в стране, с дальнейшим развитием товарно-денежных отношений.

Современная вьетнамская историческая наука имеет некоторые недостатки методологического и методического характера, имсющие своей причиной в известной мере недостаточно еще глубокое знание основных положений марксизма-ленинизма и иногда схематичное перенесение некоторых исторических аналогий на вьетнамскую почву. Таким недостатком, подвергшимся критике на страницах вьетнамских журналов¹, было утверждение Дао Зюй-Аня, что исследование истории с марксистских позиций есть исследование истории с позиций трудящихся, что в применении к Вьетнаму означает исследование его истории с позиций крестьянства². Справедливой критике подверглась также попытка Минь Чаня рассматривать государство Ау Лак как развитое рабовладельческое государство, для чего пока нет доказательств в материале источников, или его мнение о том, что с победой новых производственных отношений устанавливается не только новый общественный строй, но и новая культура³. В такой общей форме это утверждение, не будучи разъяснено, может быть неверно истолковано.

Перед историками Вьетнама встал также и вопрос о периодизации истории Вьетнама, о том критерии, который должен быть взят за основу при делении истории на периоды. При обсуждении этого вопроса подверглась критике ошибочная точка зрения группы преподавателей истории во главе с Чан Ван-Кхангом, допустивших смешение формальных и общественно-экономических признаков периодизации. В дальнейшем они, как и Нгуэн Донг-Ги, взяли за основу коренные изменения в экономике, но не дали характеристики этих «коренных» изменений, и Минь Чань имел все основания упрекнуть этих историков в недоработке вопроса. Он подчеркнул, что изучение истории с подлинно марксистских позиций поможет избежать путаницы в вопросах периодизации.

¹ Минь Чань, Некоторые вопросы, нуждающиеся в разъяснении, ВСД, 1955, № 9, стр. 67.

² Дао Зюй-Ань, Существовал ли в истории Вьетнама рабовладельческий период?, ДХСФ, 1945, № 2, стр. 13.

³ Минь Чань, Вопрос о критерии для периодизации истории Вьетнама, ВСД, 1955, № 5, стр. 24.

Конкретно вопрос о периодизации еще не решен, но если суммировать точки зрения по основным вопросам, то общим является признание самостоятельного развития Вьетнама до 111 г. до н. э., когда Нам Вьет был присоединен к Ханьской империи. Период 111 г. до н. э. — 43 г. н. э. является переходным, и период 43 — 544 гг. н. э. — временем политического и экономического включения Вьетнама в Китайскую империю. Признавая наличие в эти периоды крупных социально-экономических изменений, вьетнамские исследователи по вопросу о характере этих изменений придерживаются в ряде случаев различных точек зрения.

Для изучения вопроса о происхождении вьетнамцев особенно важна работа Дао Зюй-Ань «Культура лаквьетов, или культура Доунг шон?» (ВСД, 1954, № 1). Культура предков вьетнамского народа — лаквьетов, известная как культура Доунг шон, представляет собой культуру развитой бронзы северо-восточного Индокитая. Дао Зюй-Ань на основе большого археологического материала подробно разбирает материальную культуру лаквьетов и приходит к правильному выводу о ее самостоятельности. Период существования этой культуры он датирует IV—I веками до н. э. и считает, что на ее базе возникли первые государственные образования на территории Индокитая. В то же время им развивается мысль о том, что лаквьеты пришли в современный Бакбо с Южно-Китайского моря. Доказать это, однако, вряд ли возможно, так как весь характер материальной культуры Доунг шон характеризует ее носителей как оседлых земледельцев¹. Если часть этих племен и совершала далекие морские передвижения, о чем есть некоторые указания источников², то это, однако, еще не подтверждает мнение Дао Зюй-Ань о массовых миграциях лаквьетов до их поселения в Бакбо, тем более, что он и сам признает отсутствие археологических данных для доказательства своей теории³. Но, помимо этого спорного вывода, статья ставит много других интересных вопросов. Автор выделяет предшествующую лаквьетам культуру Нго-Вьет народа тхо (VIII—V вв. до н. э.), прослеживает на археологическом материале ее связи с побережьем Юго-Восточного Китая и делает правильный вывод о культурной близости этих районов в середине I тысячелетия до н. э. Эта часть его построений очень нова. Если принять его гипотезу, то переселение жяо-ти (китайское название народности в Южном Китае, бывшей одним из основных компонентов при сложении лаквьетской народности) в VI — IV вв. до н. э. можно рассматривать как небольшое переселение внутри культуры, а может быть и этнически, единого района. Тем не менее современное состояние исследованности этого периода не позволяет еще делать окончательных выводов, чего, впрочем, не делает и сам автор. Рассматривая далее культуру Доунг шон, Дао Зюй-Ань правильно относит ее расцвет к IV — III вв. до н. э., а не к I в. до н. э. — I в. н. э., как это делали на основании немногочисленных аналогий Финно⁴, Голубев⁵ и ряд других сотрудников ФШДВ. Интересно, что к той же мысли о необходимости передатировать культуру Доунг шон более ранним временем пришел и Карлгрэн⁶. Дао Зюй-Ань polemизирует с Финно, отрицая индонезийское происхождение лаквьетов, причем он правильно отмечает, что культура Доунг шон занимает гораздо более узкий район по сравнению с распространением позднеолитических памятников, связываемых с предками индонезийцев⁷. В то же время, в согласии с историческими фактами (индонезийские элементы в языке вьетнамцев и материальной культуре лаквьетов⁸), он отме-

¹ V. G o l o u b e w, ук. соч., ВЕФЕО, т. XXIX, 1929, стр. 18—20.

² Там же, стр. 39—41; O. J a n s e, Un groupe de bronzes anciens, ВМФЕА, т. III.

³ Д а о З ю й-А н ь, ук. соч., ВСД, 1954, № 1, стр. 24.

⁴ L. F i n o t, L'Asie française, P., 1915, стр. 216.

⁵ V. G o l o u b e w, ук. соч., ВЕФЕО, т. XXIX, 1929, стр. 6—13.

⁶ В. К а р л г р е н, The Date of the Early Dong son Culture, ВМФЕА, т. XIV, стр. 4—8.

⁷ Д а о З ю й-А н ь, ук. соч., ВСД, 1954, № 1, стр. 25.

⁸ P. B e n e d i c t, Thai, Kadai and Indonesian: a New Alignment in South Eastern Asia, AA, 1942, № 4.

чает возможность связей лаквьетов с древнейшими индонезийцами. Исследуя далее материальную культуру Вьетнама в бронзовом веке, он отвергает теория Йенса и Гейне-Гельдерна как об аналогиях культуры Доунг шон с гальштаттской культурой, так и выводы Голубева, сделанные на основании аналогий этой культуры, найденной на Борнео и Целебесе¹. Что же касается общественного строя лаквьетов, то его Дао Зюй-Ань определяет как разлагающийся родовой строй и затем раннерабовладельческий строй (с III в. до н. э.)

Приблизительно на той же позиции находятся и Нгюэн Донг-Ти, считающий эпоху Доунг шон временем окончательного разложения родо-племенного строя и рассматривающий общественный строй лаквьетов в этот период как близкий к общественному строю остальных горных народностей Чунгбо (прежнее название Аннам), Филиппин, Индонезии, находящихся на стадии возникновения классового общества.

Периодом становления рабовладельческого общества большинство историков считают эпоху государства Ау-Лак (середина III в. до н. э.). Следует отметить, что, исследуя вопрос о наличии рабовладельческого периода в истории Вьетнама, современные вьетнамские историки не являются сторонниками существования во Вьетнаме форм рабовладения, близких к античным; говоря о рабовладении, они постоянно имеют в виду неразвитые, так называемые восточные формы рабовладельческих отношений.

Эту мысль об отсутствии в Вьетнаме рабовладения типа римского или греческого проводит в своих статьях Минь Чань² и др. Все эти исследователи считают, что основными производителями в течение всего рассматриваемого периода являлись общинники и структура вьетнамского общества была такова: лак тыонг и лак хэу — рабовладельческая знать, тоук чыонг и жя чыонг — вожди общин, лак зэн — общинники³, причем большинство рабовладельцев еще не вышло из общин, продолжая находиться во главе различных племенных учреждений.

При рассмотрении проблем рабовладения большое значение имеют такие факты, как строительство крупных сооружений, не имевшее места в последующий период раннего феодализма; типичная для древневосточных деспотий структура государственного аппарата; отсутствие железных орудий и оружия (феодализм на базе бронзового века неизвестен) и др. Большую роль играет и наличие своей системы терминов для обозначения раба, не связанных с китайской терминологией, прослеженные для более позднего периода сильнейшие пережитки рабовладения и многое другое.

Что касается хронологических рамок рабовладельческого строя (основанного на труде рабов и ренте-налоге с общинников), то в большинстве работ они определяются как 258 г. до н. э. — 43 г. н. э. (т. е. эпоха существования государств Ау Лак, Нам Вьет и провинции Жяо до восстания 40—43 гг. н. э.). В то же время существуют сторонники появления рабовладения только в государстве Нам Вьет (207—111 гг. до н. э.)⁴. Существует и точка зрения, относящая возникновение рабовладельческих отношений к периоду после 43 г. н. э.⁵, так же как и вообще отрицающая рабовладельческий этап в истории Вьетнама.

Особенно важным является в данном случае вопрос о государстве Ау Лак (III в. до н. э.), так как оно, в отличие от позднейших государств, не подверглось сильному китайскому влиянию в социально-экономическом и политическом отношении.

Одни исследователи объединяют государство Ау Лак и предшествующее ему по времени «государство» Ван Ланг в одну группу, рассматривая их как общества, на-

¹ V. Golubev, ук. соч., стр. 35—37, 41.

² Минь Чань, ВСД, 1955, № 5, стр. 25; Дао Зюй-Ань, ДХСФ, 1955, № 2, стр. 15.

³ Ли Чан Кюи, Вопрос о критерии для периодизации истории, ВСД, 1955, № 10, стр. 64.

⁴ Нгюэн Минь, Исследование о восстании сестер Чынг, ВСД, 1955, № 5, стр. 49.

⁵ Минь Чань, Аграрная проблема в истории Вьетнама, ВСД, 1954, № 2, стр. 38.

ходящиеся на стадии военной демократии. Из других мнений наиболее убедительна точка зрения Дао Зюй-Аня, считающего Ван Ланг племенным союзом, а Ау Лак — раннерабовладельческим государством. Эту точку зрения разделяет и Минь Чань, считая, что уже в Ван Ланге произошло выделение господствующего класса из массы общинников и возникновение частнособственнических отношений. Государство Ау Лак могло стать развитым рабовладельческим государством восточного типа, но этот процесс был прерван образованием государства Нам Вьет и все возрастающим влиянием Китая. Это влияние нарушило ход развития Вьетнама, и после подавления восстания 40—43 гг. вьетнамское общество переходит от рабовладения (а в ряде районов — от первобытно-общинного строя) к феодализму. Эта дата (40—43 гг. н. э.) является важным рубежом, поскольку подавление восстания 40—43 гг. повлекло за собой полную ликвидацию самостоятельности Вьетнама. С этого времени начинается активное проникновение Китая в политическую и культурную жизнь страны.

Свою точку зрения Дао Зюй-Ань резюмирует следующим образом: «До времени Поздних Хань в лаквьетском обществе не только существовали рабовладельческие отношения, но и возник раннерабовладельческий строй, хотя до развитого рабовладения лаквьеты не дошли». Поэтому это «общество от раннего рабовладения перешло к феодализму, минуя развитое рабовладение»¹. Такую же мысль высказал и Нгюэн Минь².

Несколько иную точку зрения отстаивает Минь Чань, утверждающий, что в эпоху Ау Лак существовало развитое рабовладение³, причем главным способом получения рабов было обращение в рабство части населения покоренных стран.

В целом необходимо отметить, что современное состояние изучения древней истории Вьетнама не дает материала для окончательного решения вопроса о степени развития рабовладельческих отношений во Вьетнаме. Осторожные высказывания Дао Зюй-Аня и Нгюэн Миня в большей степени соответствуют имеющемуся в наличии материалу.

В то же время некоторые историки (Нгюэн Донг-Ти⁴ и др.) считают Ау Лак и Нам Вьет племенными союзами на стадии разложения первобытно-общинного строя, перешедшими после китайского завоевания в 111 г. сразу к феодализму, так как контакт с развитым Китаем ускориł процесс классовобразования.

Мнение Нгюэн Донг-Ти отражает точки зрения ученых, отрицавших для Вьетнама этап рабовладения.

Период раннего феодализма Нгюэн Донг-Ти делит на два этапа. Первый этап — от бронзового века (культура Доунг шон) до начала железного века (эпоха вун (король) Чиеу Да], т. е. IV—II вв. до н. э. Для него характерны преобразования в сельском хозяйстве, применение бронзовых орудий, появление в общине феодальной знати, выделившейся из общинных вождей. Эти новые вожди собирали с рядовых общинников четверть урожая, продукты охоты и т. д.; у них появилось некоторое количество слуг, полностью потерявших связь с общиной. Второй этап — II в. до н. э. — X в. н. э., когда, по мнению Нгюэн Донг-Ти, производство продолжает совершенствоваться, появляются железные сельскохозяйственные орудия⁵ и тягловый скот. Усиливается эксплуатация общинников, плативших как налог вьетнамским и китайским феодалам, так и подушный налог на содержание китайских войск и администрации. Помимо этого большое распространение получают государственная барщина и рекрутская повинность.

¹ Да о З ю й-А н ь, ДХСФ, 1955, № 2, стр. 16.

² Н г ю э н М и н ь, ВСД, 1955, № 5, стр. 49.

³ М и н ь Ч а н ь, Общий очерк..., Ханой, 1954, стр. 14—16.

⁴ Н г ю э н Д о н г-Т и, Какова должна быть периодизация истории нашей страны, ВСД, 1954, № 3, стр. 72; о н ж е, Пути развития вьетнамского языка и его единство, ВСД, 1955, № 8, стр. 40.

⁵ Последнее утверждение не доказывается ни археологическими данными, ни данными письменных источников. — Д. Д.

Помимо этих мнений о характере древнего общества Вьетнама, существует третье, высказанное Чан Дык-Тхао¹ и сводящееся к признанию существования до конца III в. до н. э. рабовладельческого уклада и частной собственности в недрах продолжавшего быть господствующим первобытно-общинного строя. Свою мысль он основывает на том, что в то время во Вьетнаме уровень развития хозяйства (и именно сельского хозяйства) не давал производственной базы для возникновения рабовладельческого и любого классового общества. В подтверждение своих взглядов он ссылается на отсутствие во Вьетнаме в этот период тягловых животных и плуга, хотя о тягловых животных во Вьетнаме в III в. до н. э. сообщает китайская летопись², а бронзовые лемехи плугов были найдены в могильнике Доунг шон и ряде других мест³. Впрочем, отсутствии при раскопках находок плуга ровно ничего не могло доказать, поскольку он мог быть, как в Греции, деревянным и не сохраниться.

Общественный строй периода VI—III вв. до н. э. Чан Дык-Тхао рассматривает как общинный, из которого еще не выделились лак тыонги и лак хэу, заинтересованные в сохранении общины как формы общественной жизни. И именно попыткой рабовладельческого, по его мнению, Ханьского государства экспроприировать и подавить общины и объясняется восстание 40—43 гг., после подавления которого началась непосредственная эксплуатация вьетнамских крестьян китайскими рабовладельцами, а затем и феодалами. Параллельно формировался и вьетнамский феодальный класс. Эта последняя точка зрения продолжает традицию вьетнамских феодальных и буржуазных историков.

Таковы основные точки зрения на рабовладельческую эпоху во Вьетнаме, развивающиеся в настоящее время различными историками. Наиболее аргументированной и правдоподобной является точка зрения Минь Чаня и Дао Зюй-Аня о существовании в той или иной форме рабовладения во Вьетнаме, она же признана и большинством историков.

Следующей проблемой, подвергнувшейся глубокому изучению во вьетнамской исторической науке, является проблема определения времени перехода к феодализму и тесно связанный с ней вопрос о характере восстания 40—43 гг. н. э. Как известно, это восстание имело целью ликвидацию экономического и политического господства Ханьской империи и по своему социальному составу было общенародным: в нем участвовали и крестьяне и господствующий класс. Возглавили восстание жена одного из казненных вьетнамских тьюа (соответствует приблизительно термину «князь». — Д. Д.) и ее сестра, поэтому в истории это восстание известно как «восстание двух сестер Чынг».

Вопрос об этом восстании и его классовой сущности тесно смыкается с вопросом о процессах, происходивших внутри господствующего класса лаквьетов — так называемых лак тыонгов и лак хэу (в прошлом военные и гражданские вожди племен). Их активное участие в восстании и их постепенное исчезновение после его подавления признаются всеми историками. В современном Вьетнаме существуют две основные точки зрения на этот класс. Одни исследователи считают их рабовладельческой знатью⁴ или превращавшейся в рабовладельцев родовой верхушкой⁵, господство которых было ликвидировано восстанием 40—43 гг., но которые сохранились до III в. н. э., участвуя в восстаниях II—III вв. н. э. Считая, что государства Ранних и Поздних Хань были феодальными, Минь Чань и Чан Дык-Тхао доказывают, что китайские феодалы эксплуатировали и общинников, и рабовладельцев, не меняя способа,

¹ Чан Дык-Тхао, Открытое письмо Чан Дык-Тхао, Вьетнамское общество в период развитого феодализма, ВСД, 1955, № 5, стр. 36—37.

² G. D u m o u t i e r, Trieu-vo-da в «T'oung Paо», т. VII, 1908, стр. 424.

³ V. G o l o u b e w, ук. соч., ВЕФЕО, т. XXIX (1929), стр. 18; Дао Зюй-Ань, Древняя история Вьетнама, Ханой, 1955, стр. 84; О. J a n s e, ук. соч., стр. XX—XXII.

⁴ Чан Дык-Тхао, ВСД, 1955, № 5, стр. 37, 48.

⁵ Минь Чань, Общий очерк истории Вьетнама, ч. 1, Ханой, 1954, стр. 22, 27.

эксплуатации, являвшегося рабовладельческим. Усиление этой эксплуатации и вызвало восстание, во главе которого стали лак тыонги, отстаивавшие свое «право» на господство во Вьетнаме. Движение приняло общенародный характер (так как от ханьского гнета в основном страдали крестьяне), и, благодаря народной поддержке, восстание победило на период 40—44 гг. н. э. Лак тыонги и лак хэу должны были пойти на уступки народным массам: изменить формы эксплуатации, приблизив их к феодальным. После подавления восстания часть лак тыонгов и лак хэу феодализируется, часть постепенно исчезает. Таким образом, «восстание сестер», по мнению части историков, привело не только к свержению гнета китайских феодалов, но и к изменению способа эксплуатации. В этом отношении, по их мнению, можно рассматривать восстание 40—43 гг. как массовую борьбу, где, с одной стороны, выступали лак тыонги, так или иначе переходившие к изменению форм эксплуатации, и народ, и, с другой стороны, ханьская администрация, стоявшая на страже старых форм¹. Другие историки склонны рассматривать лак тыонгов и лак хэу как феодализирующуюся знать лаквьетского общества, которая после восстания получила все возможности для дальнейшего развития, но которую подавление восстания поставило в зависимость от Империи Хань и ее администрации во Вьетнаме. И в дальнейшем наблюдается борьба этой знати с феодально-бюрократической верхушкой вьетнамо-китайского происхождения².

Однако современный уровень знаний об этом периоде не дает материала для окончательного заключения. Единственный факт, относительно которого не существует двух точек зрения, это то, что после подавления восстания действительно начинается усиление экономического и политического гнета Ханьской империи, ликвидация власти лак тыонгов и лак хэу, и в то же время происходит быстрое развитие производительных сил, особенно в сельском хозяйстве. Что же касается установления феодальных отношений, то существуют исследователи, относящие их возникновение к середине I в. н. э., а к 111 г. до н. э. Историки отмечают патристический характер борьбы лак тыонгов и лак хэу и подчеркивают, что неправильно считать движение, возглавленное феодалами, обязательно реакционным³.

При всей важности вышеизложенных проблем нельзя забывать, что основным видом хозяйства Вьетнама с первых веков до н. э. было земледелие, а основными производителями—общинное крестьянство, бывшее движущей силой восстания⁴. Этот факт и обусловил тот общенародный характер восстания, который отмечается многими историками.

Наряду с внутренними социально-экономическими причинами восстания, большую роль сыграл все усиливавшийся гнет Ханьской империи, затрагивавший интересы всех классов Вьетнама. Сыграло свою роль и появление в стране китайских переселенцев, террор против лаквьетской знати и т. д. Всеобщий характер восстания был обусловлен в значительной мере его направленностью против гнета чужеземных эксплуататоров. В связи с этим нельзя не согласиться с Дао Зюй-Анем в том, что вряд ли сестры Чынг были представителями только феодальных групп, боровшихся с рабовладельцами. В то же время та всеобщая ломка общественных отношений, которая происходила в последние годы перед восстанием, в ходе его и после подавления, несомненно способствовала окончательной ликвидации рабовладельческих и становлению феодальных отношений. Дальнейшее развитие этих новых отношений происходило в тесной связи с феодальным поздниханьским Китаем. Все исследователи отмечают, что если до восстания сестер (период 111 г. до н. э. по 43 г. н. э.) зависимость от Ханьской

¹ Минь Чань, ВСД, 1955, № 5, стр. 28.

² Нгюэн Минь, ВСД, 1955, № 5, стр. 49.

³ Чан Хюи-Лиену, ВСД, 1954, № 1, стр. 30.

⁴ Минь Чань, Крестьянские движения в эпоху феодализма в нашей стране, ВСД, 1955, № 3, стр. 8; 1954, № 1, стр. 52; 1954, № 3, стр. 6; о н же, Роль единства в борьбе за защиту Родины в истории нашей страны, ВСД, 1944, № 10, стр. 1.

империи была относительно слабой, то с середины I в. н. э. китайская культура и китайская администрация проникают во все области хозяйственной и культурной жизни лаквьетов.

Установление господства государства Хань во Вьетнаме, несомненно, имело и положительные результаты¹, хотя после установления в стране твердой власти ханьской администрации появляются дополнительно новые формы эксплуатации. Часть крестьян должна была выполнять сельскохозяйственные работы для феодалов и сдавать оброк домашними тканями. Была изменена и форма поземельного налога с крестьян в сторону его увеличения.

Минь Чань, Ли Чан-Кюн и ряд французских исследователей правильно подчеркивают, что процесс феодализации, начавшийся в середине I в., протекал на протяжении длительного периода, не менее полутора веков. О сложности и болезненности процесса закрепощения крестьян-общинников (для которых китайский феодализм представлял гораздо более тяжелое бремя, чем ранняя рабовладельческая эксплуатация восточного типа, существовавшая до этого во Вьетнаме) свидетельствует ряд крупных крестьянских восстаний начала и середины II в. н. э. (104 г. — разрушение крепости в Ньат Наме; 137 г. — уничтожение китайских чиновников, там же; 160 г. — изгнание китайской администрации из Кыу-Тьяна), продолжавшихся до тех пор, пока феодальный строй не закрепился и не был оформлен окончательно реформами Си Ньспа в 187 г. Эту дату Ли Чан-Кюн с полным основанием считает временем окончательной победы феодальных отношений во Вьетнаме². Это, впрочем не означает, что после 187 г. восстания прекратились. Достаточно вспомнить восстание 248 г. и дальнейшие восстания вплоть до 544 г., когда китайская власть была свергнута.

Внимание историков привлекает также вопрос о столице Вьетнама на протяжении всей его истории. Древнейшей столицей Вьетнама был город Ко Лоа (III в. до н. э.) в дельте Красной реки. Что касается Ханоя, то он возник в V в. н. э. и назывался Тханг Лаунг³.

В «Исследовании вьетнамской грамматики» Фан Кхоя поставлен вопрос о сложении вьетнамского языка и степени влияния на него китайского и других. Автор утверждает, что вьетнамский язык является самостоятельным и лишь впоследствии (с I в. н. э.) подвергся влиянию китайского языка, явственные следы которого мы наблюдаем сейчас в грамматике и лексике вьетнамского языка.

Не менее оживленно дискутируется вопрос о существовании у лаквьетов письменности до введения в употребление китайских иероглифов. Признавая существование у лаквьетов того времени государства и придавая решающее значение наличию у них письменности, Нгюэн Донг-Ти считает, что одним из возможных ответов на этот вопрос может служить теория двух дореволюционных ученых — Вьонг Зюи-Чиня и Коанг Дао-Тхана о том, что иероглифам во вьетнамском языке предшествовала фонетическая письменность с шрифтом, созданным на базе пали. В пользу этой теории говорит тот факт, что до недавнего времени две группы вьетнамского народа — мыонги и тхо — употребляли шрифт, подобный пали, правда сильно измененный⁴.

Между тем вопрос о возникновении письменности по типу индийской очень сложен. Во-первых, в более поздний период возможно влияние на мыонгов и тхо их западных (таи) и особенно южных (кхеры и тьямы) соседей, письменность которых основывалась на пали. Во-вторых, при самом смелом предположении, шрифт и язык пали стал известен в восточном Индокитае в I в. н. э., между тем как первая надпись относится к III в. н. э.; знакомство с китайской письменностью и переписка с Китаем засвидетельство-

¹ ВСД, 1954, № 1, стр. 6.

² Л и Ч а н - К ю и, ВСД, 1955, № 10, стр. 66.

³ ВСД, 1955, № 4, стр. 1—2.

⁴ Н г ю э н Д о н г - Т и, Проблема письменности в истории вьетнамской культуры, ВСД, 1955, № 9, стр. 22.

вана для III в. до н. э.¹ Поэтому вопрос о возникновении письменности не может решаться без учета этих обстоятельств. Автор не высказывает определенного мнения по этому вопросу, но склонен считать временем появления китайской письменности конец II века н. э. А так как пали появляется также около этого времени, то автор утверждает, что до этого письменности не было и существовал первобытно-общинный строй². Последняя точка зрения отвергается большинством вьетнамских и иностранных ученых.

Ряд исследователей считают, что вьетнамский народ получил письменность во II—III вв. н. э., когда на базе китайских иероглифов были созданы ть ном³, и что китайские элементы, появившиеся в языке во II—X вв., не вошли в язык, а остались напластованием⁴.

В общем, в настоящее время наиболее достоверной является изложенная в статье Нгюэн Донг-Ти схема последовательного использования трех видов письменности: III в. до н. э. — II в. н. э. — употребление китайских иероглифов с китайским звучанием и смыслом, как государственного языка; II—XIX вв. н. э. — употребление ть ном; XIX—XX вв. — латинизированная фонетическая письменность куок нгы⁵.

Именно ть ном Нгюэн Донг-Ти и Минь Чань справедливо рассматривают как вьетнамскую письменность (тем более, что она имела и свои иероглифы), на протяжении всей истории противостоящую китайской письменности и языку, как чужим. Официальным языком долго был китайский, но неофициозная и художественная литература выходила на ть ном, а после побед антикитайских и антифеодалных восстаний во Вьетнаме ть ном на короткое время становится и официальным языком (например, в конце XVIII в.)⁶. Рассматривая в этой связи вьетнамский и китайский языки, Нгюэн Донг-Ти сближает вьетнамский язык с языками группы таи и языками племен мон, мен и банар в Центральном Вьетнаме (рассмотрение языка банар как промежуточного спорно — Д. Д.) и рассматривает китайские элементы как позднейшие включения⁷. Во Вьетнаме проводится работа по пересмотру вьетнамской транскрипции иностранных имен и названий с целью их большего соответствия самоназваниям описываемых народов. Эта работа представляет тем больший интерес, что старая вьетнамская транскрипция сильно искажала иностранные названия.

Исследуя свою историю, вьетнамские ученые не замыкаются в рамках истории Вьетнама. Они обсуждают проблемы древней истории Китая, Европы и т. д. В этой связи интересна статья Чан Ван-Жяу о революциях в эпоху рабовладения. Исследуя античное рабовладельческое общество, автор приходит к выводу, что нельзя рассматривать восстание Спартака как революцию рабов, так как рабовладение давало еще возможность производительным силам развиваться. Революцией рабов он считает рабские восстания IV—V вв. н. э. и сопутствующие им вторжения варваров. Подобную революцию автор пытается найти в Китае в XI—X вв. до н. э., когда внутренние восстания и вторжения варваров, которые он называет «китайской битвой при Адрианополе», привели к воцарению западных Чжоу⁸.

Таковы вопросы древней истории Вьетнама, обсуждаемые и разрабатываемые

¹ G. Dumoutier, ук. соч., «T'oung Pao», т. VII, 1906, стр. 416—420 слл.

² Нгюэн Донг-Ти, ВСД, 1955, № 9, стр. 24.

³ Минь Чань, Существовала ли у вьетнамцев письменность до использования иероглифов? ВСД, 1955, № 6, стр. 13. Ть ном — письменность, в которой вьетнамскому звучанию подбирается соответствующий по звуку, но не по смыслу, китайский иероглиф.

⁴ Нгюэн Минь-Ван, В какой степени вьетнамской литературе необходимы китаизмы, ВСД, 1955, № 7, стр. 61.

⁵ Нгюэн Донг-Ти, Вопросы письменности в истории культуры Вьетнама, ВСД, 1955, № 9, стр. 22—25.

⁶ Минь Чань, ВСД, 1955, № 6, стр. 13.

⁷ Нгюэн Донг-Ти, ВСД, 1955, № 8, стр. 40.

⁸ Чан Ван-Жяу, Восстание рабов, ДХСФ, 1955, № 2, стр. 45—58.

в современной вьетнамской марксистской историографии. Заканчивая этот краткий обзор, следует еще раз подчеркнуть тот глубокий интерес, который проявляют историки нового Вьетнама к марксистскому освещению древнего периода в истории своей страны, очень скромно оценивая в то же время свои результаты и отмечая, что «еще очень мало сделано по древней истории. Вопросы рабовладения надо еще глубже и шире исследовать, учитывая и общие закономерности развития общества и специфику древнего Вьетнама»¹.

Д. В. Деоник

G. MICKNAT, *Studien zur Kriegsgefangenschaft und zur Sklaverei in der griechischen Geschichte, erster Teil. Homer, «Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz», Jahrgang 1954, № 11, стр. 563—624.*

Рецензируемая книга уже по своей тематике представляет собой далеко не обычное явление в современной западноевропейской литературе. Несмотря на все более увеличивающееся количество работ по гомеровскому эпосу², зарубежные исследователи уделяют мало внимания социальной тематике и в частности проблеме рабства. Это замечание относится даже к классическому периоду; оно тем более справедливо в отношении к историографии ранней Эллады. Вряд ли можно считать случайностью то поразительное, но тем не менее вполне точное обстоятельство, что вот уже на протяжении целого столетия³ в исключительно обильной, насчитывающей многие тысячи названий, специальной литературе не появилось ни одной монографии, которая была бы посвящена изучению гомеровского рабства, хотя «Илиада» и тем более «Одиссея» представляют в этом плане очень благодарное поле для исследования. Книга Гизелы Микнат представляет собой поэтому отродное исключение.

В заключении своей работы автор, повидимому начинающий ученый, приносит благодарность проф. И. Фогту за помощь в выборе темы и за руководство. Здесь же читатель предупреждается, что данный труд является лишь первой частью исследования. Следует также отметить, что в настоящее время сам И. Фогт начал проявлять интерес к роли рабства в истории классической Греции, о чем свидетельствует его последняя небольшая работа, заслуживающая, впрочем, особого рассмотрения⁴. Прорубание в западной историографии интереса к изучению рабства и его значения в истории древней Греции, разумеется, следует приветствовать⁵.

Г. Микнат не склонна преуменьшать роль рабынь в эпосе и приукрашивать их тяжелую судьбу, в чем она выгодно отличается, например, от В. Л. Вестерманна⁶. Книга начинается с правильного, хоть и несколько парадоксально звучащего, заявления, что «все действие „Илиады“ начинается со спора из-за двух рабынь» (стр. 565). обстоятельно анализируя все данные в поэмах и в схолиях о Хрисеиде, Брисеиде, Гекамеде и других поименно названных рабынях, она неоднократно подчеркивает, что судьба рядовой массы рабынь была неизмеримо тяжелее участи знат-

¹ М и н ь Ч а н ь, ВСД, 1955, № 7, стр. 25.

² В дополнение к библиографии, указанной в ВДИ, 1955, № 3, стр. 140, прим. 1, см. также статьи А. Л е с к и в «Anzeiger für Altertumswissenschaft», 1953, стр. 129—150, и 1955, стр. 129—156.

³ W. R i c h a r d, De servis apud Homerum, В., 1851. Кстати говоря, эта работа, вероятно, осталась неизвестной автору рецензируемой книги.

⁴ J. V o g t, Sklaverei und Humanität im klassischen Griechentum, Wiesbaden, 1953.

⁵ Важное явление в этой области — выход в свет посмертной работы крупнейшего специалиста по истории античного рабовладения В. Л. Вестерманна; см. W. L. Westermann, The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity, Philadelphia, 1955.

⁶ W. L. Westermann, Sklaverei, RE, Suppl. VI (1935), стб. 897 сл.